

ИСЛАМ И СУФИЗМ
Ответственный за рубрику: В.Х. Акаев
© Исламоведение, 2017. Т. 8, № 3 (33)

ISLAM AND SUFISM
Person in charge of the section: V.H. Akaev
© Islamic Studies (Islamovedenie), 2017. Vol. 8, № 3 (33)

DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-3-82–94

УДК 297.1

Содержание статьи

Информация о статье

*Л.З. Бородовская*¹

Введение⁸³
Развитие ислама и суфизма
в период Золотой Орды⁸⁴
Принятие Суфизма ханами
Улуса Джучи⁸⁶
Ислам и суфизм после
Узбека⁹⁰
Заключение⁹⁰

Поступила в редакцию:
18.04.2017.
Передана на рецензию:
28.04.2017.
Получена рецензия: 25.05.2017.
Принята в номер: 25.08.2017.

Расширение сферы влияния суфизма в период Золотой Орды

Казанский государственный институт культуры; lilianotka@yandex.ru

Статья посвящена изучению исторических средневековых источников и современных исследований по суфизму в Золотой Орде. В ней затрагиваются общие проблемы изучения суфизма в современной науке, а именно – отсутствие единой стратегической линии исследований, часто устаревший подход в рассмотрении творчества суфийских деятелей или сознательное игнорирование темы исламско-суфийской традиции в работах некоторых ученых.

Выявлено возросшее влияние суфийских тарикатов Кубравия и Ясавия, а также их шейхов-руководителей на общественную, государственно-политическую деятельность ханов в период XIII–XV вв. Обращение к средневековым трактатам по истории Золотой Орды продиктовано желанием дать оригинальные свидетельства степени влияния суфизма на дворцовую и личную духовную жизнь ордынских ханов. В статье также рассмотрены трактаты современников – шейхов других стран, записавших свои заметки в различных летописях и собранных В. Тизенгаузенем. А также приведены некоторые факты из суфийских связей нескольких ханов Золотой Орды – Бату, Берке, Туда-Менгу, Узбека и его потомков.

Ключевые слова: *ханы Золотой Орды, суфизм в Орде, влияние шейхов, исламско-суфийская традиция.*

DOI: 10.21779/2077-8155-2017-8-3-82–94

UDC 303.83+297

The content of the article

Information
about the article

*L.Z. Borodovskaya*²

The relevance of the study.
The development of Islam and
Sufism in the period of the
Golden Horde.

Received: 18.04.2017.
Submitted for review:
28.04.2017.
Review received:

¹ *Лилия Зелимхановна Бородовская* – кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыкального образования, педагогики и музыкознания, Казанский государственный институт культуры, orcid.org/0000-0002-5680-1187.

² *Lilya Zelimkhanovna Borodovskaya* – Ph. D. (Art History), Associate Professor at the Department of Music Education, Pedagogy and Musicology, Kazan State Institute of Culture, orcid.org/0000-0002-5680-1187.

Sufism among the khans of Jochi ulus. Islam and Sufism after Uzbek. Conclusion. 25.05.2017. Accepted for publication: 25.08.2017.

The Growth of Sufi Influence in the Period of the Golden Horde

Kazan State Institute of Culture; lilianotka@yandex.ru

The article is devoted to the study of medieval historical sources and contemporary researches on Sufism in the Golden Horde. The author considers such general issues of Sufi studies as the lack of a single strategic line of research, an outdated approach to considering the works of Sufi leaders, or the disregard of the subject of Islamic-Sufi tradition in the works of some scholars.

The author reveals an increasing influence of the Sufi Kubrawija and Yassavia orders and their leaders on the public, state and political activity of the khans throughout the 13th –15th centuries. Reference to the medieval treatises on the history of the Golden Horde is caused by the desire to give the original evidence of Sufism influence degree on the court and personal spiritual life of the Horde khans. The author also considers the treatises of contemporaries – sheiks of other countries, who recorded their notes in various chronicles collected by V. Tizengauzen. Some facts confirming Sufi ties of several Golden Horde khans – Batu, Burke, Tuda-Mengu, Uzbek and his descendants – are also given.

Keywords: *khans of the Golden Horde, Sufism in the Horde, the influence of sheikhs, the Islamic-Sufi tradition.*

Введение

Во многих странах Евразии XIII–XV века – новый период развития духовной культуры под знаком исламской религии, которая быстро проникла, распространилась и укрепилась среди многих народов, став важнейшей частью их культуры. Основным способом распространения ислама, по мнению историков, были путешествующие вместе с торговыми караванами суфийские проповедники, которые в доступной форме ненавязчиво преподносили знания о Коране, Сунне Пророка, основах религиозных канон.

В историческом плане достаточно мало исследовано влияние суфизма на татарскую народную культуру, хотя написаны отдельные труды по истории суфизма этого периода. Недостаточное, несистематичное изучение суфийской традиции в ее историческом значении для татарской культуры связано с отсутствием научной школы в Татарстане по данной теме. Как справедливо отмечают Р.С. Хакимов и другие историки, в советский период было под запретом изучение исламской истории Татарстана, татарских ханств, что явилось причиной слабого развития, в том числе и суфийской тематики в исторической науке [13, с. 7].

Это отражается и на современном состоянии изучения традиции татарского суфизма, когда ученые узко трактуют средневековую литературу, исторические факты, научные труды татарских суфийских шейхов. Например, часто их называют философами, либо просветителями, либо просто поэтами, писателями, учеными и т. д., совершенно не раскрывая суть их деятельности в традициях исламской суфийской культуры.

Такова, например, статья Р.Ш. Маликова и А.Н. Гариповой «Гуманистическая педагогическая мысль средневекового просветителя Золотой Орды Хисама Кятиба» [3]. Авторы статьи продолжают советскую научную традицию и рассматривают произведение в отрыве от его истинной религиозной сущности, они пишут: «Хисам

Кятиб – просветитель периода Золотой Орды» [3]. Авторы справедливо отмечают, что на такой же сюжет есть и сочинение знаменитого персидского поэта Фарид-ад-дин Аттара, не говоря о том, что он также суфийский поэт и такова традиция заимствований тематики в средневековой суфийской поэзии. Показательна и цитата, которую приводят авторы статьи из поэмы Х. Кятиба, не рассматривая ни один суфийский мотив текста, а выделяя лишь светско-педагогические моменты в отрыве от исламской духовности, что неверно для анализа творчества суфийского поэта:

Была у меня одна добрая привычка,
И ею было прославлено мое имя –
Когда приходил ко мне пленный,
Или бедняк, или калека, или нищий,
Когда приходили даже тысячи дервишей и сирот,
Не уходили без одежды и коня...
Днем и ночью моим делом была справедливость,
Весь мир питался моим хлебом [3].

Другая важная проблема – это недостаточность источников по истории суфизма, и в частности в период Золотой Орды. Наиболее многочисленные данные по суфизму представлены В. Тизенгаузенем в «Сборнике материалов, относящихся к Золотой Орде». Это летописные трактаты, в большинстве своем написанные египетскими придворными историками, суфийскими шейхами, которые несли государственную службу, были послами и путешественниками [11; 12]³.

Большинство интересных фактов об исламе в Золотой Орде, приведенных в сборниках В. Тизенгаузена, многократно процитированы и перефразированы, заново переведены на русский язык. В нашем исследовании мы использовали оригинальные варианты переводов вышеназванных средневековых трактатов, которые наиболее ярко и точно передают подробности и детали деятельности суфийских шейхов при дворе ханов Золотой Орды.

Развитие ислама и суфизма в период Золотой Орды

В золотоордынский период возникает и развивается большинство крупных суфийских тарикатов – Мавлявийя, Кубравия, Сухравардия, Ясавия, Накшбандия и др. Сакральные идеи суфизма воспеваются арабскими, иранскими и тюркскими поэтами – это Омар Хайям, Абу’ль-Ала аль-Маарри, Ф. Аттар, Д. Руми, Хафиз. К этому времени уже написаны основные теоретические труды суфийских мыслителей – ал-Газали, Ибн-Араби, составлены словари терминов и жизнеописания святых, написаны уставы многих тарикатов. Религия охватывает все сферы общественной жизни, и при этом достаточно сильны прежние традиции и верования народов, подтверждения чему находят исследователи в различных археологических объектах. Ислам приобретает «народное» осознание, вливается в сказки, песни, по-новому звучат старинные легенды и эпические сказания (с добавлением аятов из Корана в качестве вступления, с упоминанием имени Пророка и др.). Появляются и собственно исламско-суфийские жанры фольклора, например *мунаджат*.

В Волжской Булгарии укрепление ислама не прерывалось и во время войн, что, возможно, стало одной из причин того, что Болгар стал центром, одной из столиц ханов Улуса Джучи. Историки на основе археологических данных доказали факт повсеместного принятия ислама как городским, так и сельским населением: «Г.А. Федоров-Давыдов [...] внес ясность в вопрос о распространении ислама среди

³ Здесь и далее все цитаты и упоминания по этой книге даны в современной орфографии и с пропуском буквы «ъ» в окончаниях слов.

кочевого населения степи, доказав, что около рубежа XIV–XV вв. языческий обряд погребения на всей территории Улуса Джучи заменяется на мусульманский» [5, с. 600]. Исследователи дали название этому способу распространения религии – *миссионерский ислам*. Он развился на территории Золотой Орды во время ханов Берке и Узбека, Кутлуг-Тимура, Газана. По всей территории Орды, по основным дорогам были построены ханаки суфиев [5, с. 593].

«Миссионерский ислам» получает государственную поддержку, начиная с правления хана Узбека (1312–1343 гг.), когда при финансовой поддержке правителя строят мечети, медресе, ханаки, развивается исламская наука, литература, поэзия, архитектура и прикладные искусства. «Язычники-монголы быстро уяснили выгоды от сношений с суфиями и стали спешно брать под свою опеку суфийские усыпальницы; первый земельный доход для содержания могилы Рузбихана был пожалован монгольским наместником в 1282 году при его обращении в ислам» [7, с. 76]. Постепенно сложилась система финансирования суфийских усыпальниц.

По всему мусульманскому миру правители назначают суфийских шейхов на самые главные духовные должности в государстве: «То, что на Шихабуддина Сухраварди халифом Багдада была возложена обязанность «шейха шейхов», и особенно то, что Фахреддин Ираки султаном Мамлюков в Египте был назначен «шейхом шейхов Египта», свидетельствует об этом» [6, с. 108].

В Золотой Орде примечательным фактом является особое почитание тюркских шейхов, которые принимали прямое участие в исламизации Улуса Джучи и последующем управлении его делами. «Так, в рассказе Ибн Баттуты о приеме у Кутлу-Темур упоминается привычка эмира ежедневно встречаться с главным кадием города, вместе с которым на прием приходят правоведы и писцы, а также старшие эмиры и *тюркские шейхи*» [14, с. 151]. По мнению Ю.В. Селезнева, одной из причин возвышения мусульманского духовенства в Золотой Орде является традиция «сакрализации власти» у монголов, а на смену шаманизму и буддизму пришли шейхи. Также, по мнению исследователя, мусульманские шейхи выполняли культурно-просветительские функции в Орде. Многие дети ханов обучались у суфийских шейхов и сейидов и получали от них наставления [10, с. 22–23].

Г. Галиахметова в исследовании по суфизму в Золотой Орде приходит к выводу, что «начиная с X века, во всем мусульманском мире наблюдается переход от официального ислама факихов и мутакаллимов к суфийскому исламу [...] проявление этой тенденции было актуальным в Золотой Орде, по крайней мере в эпоху правления Берке хана и хана Узбека» [2, с. 295].

Т.А. Хисамов приводит в качестве источника «сохранившуюся вакуфную грамоту 1326 г. шейха Яхьи, внука Сейфеддина Бохарзи», из нее «становится известно, что крупные ханаки могли иметь в феодальной собственности большие земельные наделы, хозяйства, сады с прикрепленными к ним зависимыми крестьянами. Доход и значительные пожертвования мусульман нередко позволяли сосредоточить в ханаках большие материальные блага» [14, с. 152]. По свидетельству историков, при хане Узбеке жестоко наказывались грабители суфийских ханак, которые находились под покровительством ханских потомков и влиятельных лиц государства.

Ю.В. Селезнев в научно-справочном издании «Элита Золотой Орды» приводит статьи, посвященные потомкам Чингис-хана. Автор приходит к выводу, что «мусульманское духовенство в Золотой орде представляло собой отдельный слой элиты» [10, с. 20], имеющей большое влияние на ордынскую аристократию, которая часто давала своим сыновьям имена мусульманские или с суфийскими приставками, например – шейх (также синонимы главы общины – пир, баба, ата), суфи, кол, дервиш. Приведем список наиболее заметных исторических имен (в алфавитном

порядке по книге Ю.В. Селезнева): Азиз-баба, Ак-Суфи, Али-Дервиш, Ахмед-Шейх, Тука-Тимур, Бек-Суфи, Берат-Суфи, Даулет-Шейх, Дервиш-Хан, Кул-Ахмад, Кутлук-Шейх, Мухаммад-Суфи, Орда-Шейх, Пир-Будаг, Пир-Махмуд, Пир-Махмудшах, Рустем-Суфи, Сулейман-Суфи, Суфи, Суфичук, Тимур-Шейх, Шейх-Мухаммед, Шейх-Назар, Шейх-Суфи, Шейх-Ходжа [10].

Принятие Суфизма ханами Улуса Джучи

Учитывая факт значительного развития суфизма в этот период, можно предположить, что многие потомки ханов придерживались ислама именно под влиянием суфийских шейхов. Документальные источники сообщают о том, что многие ханы приняли ислам под влиянием шейхов тарикатов, вступили на путь духовного восхождения и продолжали общение с ними на протяжении всей жизни.

Официально принявшим ислам среди потомков Чингисхана считается Беркехан, однако исторические источники указывают, что в процессе приближения к мусульманству в этот же период был и *хан Бату* (Батый, 1208–1255) – правил Улусом Джучи с 1243 по 1255 г., второй сын Джучи, внук Чингисхана. Он официально возглавлял военный поход на Волжскую Булгарию в 1336 году [10, с. 47]. Один из первых источников по Золотой Орде, написанный современником хана на персидском языке, – это «*Насиры разряды*» Абу-Омара Минхадж-ад-дин Осман ибн Сирадж-ад-дин ал-Джуджани (родился около 1193 г.).

Трактат «*Табакат-и-Насири*» назван в честь султана Насир-ад-дина Махмудшаха I (правил в 1246–1265 гг.) и написан в 1259–1260 годы [12, с. 13]. Джуджани пишет о Батухане: «Он был человек весьма справедливый и друг мусульман; под его покровительством мусульмане проводили жизнь привольно. В лагере и у племен его были устроены мечети с общиной молящихся, имамом и муэдзином. *Мусульмане туркестанские под сенью его защиты пользовались большим спокойствием и чрезвычайной безопасностью* [...]. Некоторые заслуживающие доверия люди рассказывали следующее: *Бату втайне сделался мусульманином*, но не обнаруживал (этого) и оказывал последователям ислама полное доверие [...]. Похоронили его по обряду монгольскому» [12, с. 15].

Эти благоприятные условия для туркестанских мусульман, суфиев и шейхов способствовали более быстрому распространению ислама в Орде в последующий период. Историки подтверждают, что именно бывшая столица Волжской Булгарии во времена хана Бату являлась центральной ставкой Золотой Орды. «Максимального размера город достигает в период расцвета Золотой Орды в XIV в. В середине XIV в. укрепленное городское поселение в Болгаре имеет размеры около 400 га. Оно становится столицей этого государства, в 40–60-е гг. XIII в. здесь находится ставка золотоордынских ханов. Именно в Болгаре начинается чеканка первых джучидских монет [1].

Важное политическое значение Болгара, начиная с правления хана Бату, бурное развитие ислама в течение всего периода Золотой Орды дают возможность исследовать татарский суфизм как одну из важных составных частей татарской духовной культуры XIII–XV вв.

Хан Берке (1209–1266) – третий сын Джучи, внук Чингис-хана, первым из монгольских ханов официально стал мусульманином. Правил Улусом Джучи в 1256–1266 годах [5, с. 4].

Наиболее авторитетные источники по мусульманскому правлению ханов Берке и Узбека представлены у В. Тизенгаузена в «Сборнике материалов, относящихся к Золотой Орде» [11; 12]. Исторические источники приводят сведения о принятии ислама ханами, о соблюдении мусульманских канонов ими и их подданными, а

также о роли суфийских шейхов в процессе исламизации ханской власти. Многие данные подтверждаются разными источниками.

Египетский ученый Бедреддин Махмуд Ахмед Элайни (1361–1451) в своей летописи «Связки жемчужин» дает подробную версию вступления в тарикат хана Берке с помощью ученика шейха ордена Кубравийа Эльбахерзи: «причина принятия мусульманства Беркеханом была (такая): проявилась (в то время) слава шейха Неджмеддина Элькубра и разнеслась молва о нем; разослал он последователей своих в города великие для установления обрядов мусульманских и отправил он Саадеддина Эльхамави в Хорасан, Кемаледдина Эшшерьяки в Туркестан, Низамеддина Эльдженди в Кипчак и Сейфеддина Эльбахерзи в Бухару. Устроившись в Бухаре, Эльбахерзи послал одного из своих учеников, пользовавшегося у него большим значением, к Беркехану. Тот свиделся с ним, поучал его, внушал ему любовь к исламу и разъяснил ему (будущий) путь его. Берке принял ислам из рук его и склонил к мусульманству большую часть своих подданных [...]» [11, с. 507–508]. В знак благодарности Берке захотел почтить шейха и преподнести ему в дар охранительную «пайзе на страну» дающую её владельцу право на сбор денег, но отправившийся с подношением посол вернулся с подарком от которого отказался Эльбахерзи. Тогда Берке сказал: «Я сам лично отправлюсь к нему». Поехал он к нему, прибыл в Бухару и три дня простоял у ворот шейха, так как этот не позволял ему войти к нему, пока с ним не переговорил один из последователей его, сказавший (шейху): «это великий царь; он пришел из дальней страны, просить благословения у шейха и (разрешения) побеседовать с ним; в дозволении ему (этого) нет ничего дурного». После этого он (шейх) позволил ему (войти); тот (Берке) вошел к нему и приветствовал его. Шейх был покрыт покрывалом и не раскрыл перед ним лица своего. Он (Берке) вложил ему в руки пищу, и он (шейх) поел часть ее. Повторив перед ним свой ислам, он (Берке) вернулся в свою землю» [11, с. 507–508].

Историки и современники Берке приводят имена многих суфийских шейхов, приглашенных в столицу во время царствования хана, подробное изучение биографий, которых могло бы уточнить степень влияния суфизма на исламскую культуру в Золотой Орде. В отрывке «Из летописи Ибншохбы Эласади» значатся следующие имена: «Когда Беркехан был пожалован почетною одеждою ислама и водрузил в землях Дештских знамена в честь исповедания ханифийского, то он пригласил к себе ученых из всех краев, да шейхов со всех сторон и концов, чтобы они научили людей уставам религии своей и указали им пути своего единобожия и правоверия [...]. Были у него в это время, а после него у Узбека, да у Джанибекхана, маула наш Кутбеддин, ученейший Эррази, шейх Саадеддин Эттефтазани, сейид Джелаледдин, [...] маула наш Хафизеддин Эльбазази, и маула наш Ахмед Эльходженди, [...] шейх имам Абдеррахим, сын Абдеррахмана, сын Насра, Эльмаусыли, известный под именем Ибннеджама (1255–1330). К тому же времени принадлежит Кемаледдин Эттуркмани или Эттеркали» [11, с. 431–463].

Э.Г. Сайфетдинова добавляет к списку шейхов этого периода еще несколько имен, найденных ею в трактате ал-Хадж Абд ал-Гаффара Кырыми «Умдет ал-ахбар» – это «из рода Хазрэти Али – Шейх Маджид ад-дин Ширвани, из рода Абу Бакра Сытдык – Баба Токлас Шейх Наджиб ад-дин и два сейида, из рода Пророка – Шейх Ахмад и Шейх Хасан Гургани» [8, с. 76].

В 30-томной энциклопедии египетского ученого Шихабеддина Абульаббаса Ахмеда Абдельваххаба Эннувейри (1279–1333) «Крайность потребности по части отраслей образованности» (или «Крайний предел необходимости по части науки благовоспитанности») дано самое художественно красивое описание мусульманского царствования хана Берке [11, с. 151].

В исторических трактатах есть описание типично суфийского обряда почитания святых шейхов и паломничества к их могилам: «Выросши, Беркехан, чтобы посетить оставшихся в живых и умерших мусульманских святых и ученых, поехал из земли Кипчакской в город Бухару, посетил их, вернулся восвояси и отправил доверенных людей к халифу» [12, с. 17]. Начало исламизации государства также было заложено уже при Беркехане: «Все войско его состояло из 30 000 мусульман, и в войске его была установлена пятничная молитва [...]. Во всем войске его никто не пьет вина и при нем (Берка) постоянно находятся великие ученые из (числа) толкователей (Корана), изъяснителей хадисов, законоведов и догматиков. У него много богословских книг, и большая часть его собраний и беседований происходит с учеными. Во дворце его постоянно происходят диспуты относительно науки шариата. В делах мусульманства он чрезвычайно тверд и усерден» [12, с. 17].

В период царства Беркехана процесс исламизации имел государственную поддержку, а миссионерская деятельность суфийских шейхов приобрела статус одобряемой и дозволенной. Широко распространяются арабская культура и письменность, развиваются ремесла. Многие современные исследователи акцентируют разные причины исламизации государства при хане Берке – политические, торговые, культурные. Однако Берке был мусульманином задолго до принятия им власти. Таким образом, личные духовные причины мусульманства Берке выходят на первый план – приверженность суфийскому учению Кубравийа, постоянное наставничество суфийских шейхов – все это подтверждает искренность акта принятия им ислама и вступление на суфийский путь духовного совершенствования.

Хан Туда-Менгу правил в 1282–1287 гг. [5, с. 297], и о его приверженности суфийскому учению есть яркие свидетельства. В следующем отрывке из летописи Рукнеддина Бейбарса (ум. в 1326 г.) «Сливки размышления по части летописания гиджры» видим, что и последующие ханы после Берке устремлялись к суфийскому исламу, даже более искренно, чем другие ханы. При дворе Туданменгу также жили тюркские суфийские шейхи – «ата», которых он направил послами к султану Египта с письмом: «В 682 г. (=1 апр. 1283 – 19 марта 1284 г.) прибыли (в Египет) послы от Туданменгу, сидевшего на царском престоле Берковичей, с известием о принятии им ислама и с манифестом о воцарении его. Они были из Кипчацких правоведов; один из них назывался Медждеддин Ата, а другой Нуреддин [...], они доложили, что он (Туданменгу) просит султана дать ему титул из прозвищ мусульманских, знамя халифское и знамя султанское, с которыми он мог бы сражаться против врагов религии» [11, с. 105].

Далее в «Летописи» есть рассказ о полном посвящении Туданменгу суфийскому образу жизни: «В 686 году (=16 февр. 1287 – 5 февр. 1288 г.) Туданменгу обнаружил помешательство и отвращение от занятий государственными делами, привязался к шейхам и факирам, посещал богомоллов и благочестивцев, довольствуясь малым после большего. Ему сказали, что коли есть царство, то необходимо, чтобы им правил царь. Он указал на то, что он уже отрекся от него (царства) в пользу братнина сына своего Тулабуги, да что его душа обрадовалась этому. И согласились с ним жены, братья, дяди, родственники и приближенные. Царствование его продолжалось около 5 лет» [11, с. 105–106]. Это был первый хан, отказавшийся от престола и светской жизни. Позднее суфизм будет завоевывать умы целых ханских династий (клан Суфи).

Узбекхан (1283–1342), племянник хана Токты, правил Улусом Джучи с 1312 года. Его правление отмечено наибольшим расцветом исламской суфийской культуры в Золотой Орде. Возможно, это письмо перекликается с рассказом другого летописца того времени о восшествии Узбека на ханский престол с условием

принятия и распространения им ислама. Трактат «Услада людей в летописях ислама», или «Летопись Ибндукмака» охватывает 1230–1260 годы: «Ему (Узбеку) и присуждено было вступить на престол. Кутлуктемир (перед тем) уже взял с него слово, что когда он (Узбек) вступит на престол, то сделается мусульманином и будет придерживаться ислама. Был упомянутый (Узбек) возведен по смерти дяди своего и, сев (на престол), усердно вступил в веру Аллахову и устроил себе соборную мечеть, в которой совершал (все) пять молитв в установленное для них время» [11, с. 323].

В начале правления Узбекхан принял ислам от тюркского суфийского шейха (возможно) в землях Волжской Булгарии (согласно «Шаджарат ал-атрак»): «Говорят, что после восшествия на ханский престол до истечения 8 лет он проводил жизнь со всем своим илем и улусом в странах северного (арка) Дешт-и-Кипчака, так как (ему) нравились (вода и воздух) тех стран и обилие охоты (дичи). Когда с начала его султанства истекло 8 лет, то под руководством святого шейха шейхов и мусульман, полюса мира, святого Зенги-Ата и главнейшего сейида, имеющего высокие титулы, указующего заблудившимся путь к преданности господу миров, руководителя странствующих и проводника ищущих, святого Сейид-Ата, преемника Зенги-Ата, он (Узбек) в месяцах 720 г. х. (=12.11.1320 – 30.1.1321), соответствующего тюркскому году курицы, удостоился чести принять ислам. Святой Сейид-Ата вместо имени Узбекхана, которое было дано ему, назвал (его) Султан-Мухаммед Узбекхан. Из людей иля и улуса, которые были в тех странах, большая часть удостоилась счастья принятия ислама. Подробности этого краткого изложения написаны и упомянуты в житии (макамат) святого Сейид-Ата. Когда Султан-Мухаммед Узбекхан вместе со своим илем и улусом достиг счастья (...) милости бога, то по указанию таинственному и знаку несомненному, святой Сейид-Ата всех их привел в сторону областей Мавераннахра» [12, с. 206].

Ибн Баттута описывает еженедельное посещение ханом Узбеком ханаки шейха «Ну’ман ад-Дина ал-Хваризми» [5, с. 591–592] (у В. Тизенгаузена другая орфография – Алаэддина Энномана Эльхарезми), и суфийское послушание хана этому шейху. Таким образом, у хана Узбека при дворе было несколько шейхов – от мудрого наставника, государственного советника до личного шейха – «ата».

Таким образом, ханы Золотой Орды были не только мюридами тариката Кубравийа (Берке), но и тариката Ясавия (Токта, Узбек).

Показательно, что официальные духовные лица (кади, хатыб и др.) в Средние века чаще всего упоминаются в дружественном совместном управлении делами мусульманских государств с суфийскими шейхами, которые выступают как мудрецы, наставники, ученые. Нет оппозиции между каноническим исламом и суфизмом, как позднее описывают исследователи в других странах. Ханафитский ислам и суфии с самого начала распространения на территории Волжской Булгарии мирно сосуществовали. Суфизм здесь не отделялся как сектанство, отшельничество (как в других странах), всегда был внедрен в жизнь государства как традиционная исламская школа наставничества, духовного воспитания, научная база развития культуры.

Реальные примеры внедрения последователей тариката Ясавия в государственные структуры ханства приводит З.З. Жандарбек: «В тарикате Ясавия эти структуры действовали повсеместно. Эти структуры во времена Узбекхана легли в основу политической реформы Улуса Джучи. Государственная структура Улуса Джучи в точности повторила структуру тариката Ясавия, но в более разветвленной форме. Структура государственной власти Улуса Джучи состояла из четырех ступеней: род – таифа – жуз – тарика» [4, с. 177].

Ислам и суфизм после Узбека

Автор исторического сочинения «Аноним Искендера» – Муин-ад-дин Натанзи (установлено В.В. Бартольдом) [12, с. 126–127] свидетельствует о том, что сын Узбека – Джанибек (правил в 1342–1357 гг.) продолжил исламизацию государства после смерти отца: «Весь улус Узбека он обратил в ислам, разрушил все капища идолов, воздвиг и устроил много мечетей и медресе. Все свое внимание он обратил на благополучие людей ислама. Много людей превосходных и ученых из разных краев и сторон государств ислама направились к его двору» [12, с. 128].

А.Г. Юрченко в своей книге «Хан Узбек» пишет, что сын Узбека развил ислам в Орде более, чем отец: «Джанибек играет важную роль в среднеазиатских легендах об исламизации; ему же приписывают военные и административные реформы, очевидно отмеченные мусульманским влиянием – например, мы располагаем сообщением о том, что он ввел в военную одежду элементы не просто мусульманского, а конкретно суфийского облачения [...] тюрбан (*imamah*) и плащ (*farajah*)» [16, с. 259].

М.Г. Сафаргалиев в книге «Распад Золотой Орды» пишет об этой династии: «По не совсем ясным сведениям, имеющимся у Низам-ад-дина Шами и Шераф-ад-дина Изеди, основателем династии Суфиев в Хорезме следует считать Ак-Суфия, сына золотоордынского эмира Нангудай, женатого на Союн Беке, дочери хана Узбека» [9, с. 121]. Этот клан стал могущественным в последующие годы, завоевав новые земли Улуса, расширив политическое влияние, хотя ханским по мужской линии и не являлся.

Устранив противников ислама в своем улусе, Узбек благословил дальнейший процесс исламизации в других областях Орды. Хан Ак-Орды Эрзен, сын Сасы-Буги последовал примеру: «Большую часть медресе, ханака (скитов), мечетей и прочих благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Сауране, Дженде и Барчкенде, устроил он» [12, с. 129].

Историки подчеркивают особое влияние суфизма на ханов Золотой Орды, на скорость исламизации региона, о чем свидетельствует «значительное увеличение в кочевнических курганах погребений, совершенных в согласии с мусульманскими канонами» [15, с. 201]. Но государственное делопроизводство еще долго велось по монгольским традициям, и уже гораздо позднее правления Узбека, «Ярлыки и письма Тохтамыша (1380–1395 гг.) уже не содержат указаний на силу «Вечного Неба», наоборот – выполнены в исламском ключе» [15, с. 201].

Суфийские шейхи помогали ханам в руководстве страной, поэтому деятельность суфийских ханака поддерживалась вакфами и благотворителями. Шейхи тарикатов имели особое влияние в Улусе, духовно наставляли народные массы, непосредственно управляли общественной жизнью. В своей статье А.Г. Шереметьев пишет, что в это время возрастает руководящая роль духовенства в лице суфийских шейхов, они становятся не только наставниками общины, но и советниками ханов. «Их вмешательство в дела государства в годы его слабости порой решало проблемы межгосударственных отношений, престолонаследия, налогообложения и т. д.» [15, с. 5].

Заключение

Таким образом, благодаря средневековым историческим трактатам можно сделать вывод о значительном развитии суфизма и ислама в целом в эпоху Золотой Орды. И что особенно важно, усиление происходило во времена правления ханов, которые жили и правили на территории Поволжья, что дает возможность в будущем

проследить влияние суфизма на разные аспекты народной культуры булгар (татар) этого периода.

Расширение сферы деятельности суфийских шейхов происходило сразу по нескольким направлениям. Во-первых, интеллектуальное и духовное влияние на правителей государства позволило им в короткие сроки не только стать мудрыми советчиками в делах управления и религиозной политики, но и взять на себя ответственность за воспитание потомков ханского рода. Именно в этот период складывается явление «аталычества», когда у каждого ханского наследника был свой шейх-наставник, воспитатель.

Во-вторых, могущество и влияние придворных шейхов способствовали бурному развитию сети ханак и медресе по всей территории ханства. Учреждение вакфов дало финансовую поддержку развитию исламско-суфийской модели народного образования. Массовое открытие мектебов при мечетях повлияло на рост грамотности среди простого населения – язык Корана не только позволил читать религиозную литературу, но способствовал расцвету народной поэзии. Научившись читать и писать, многие народы именно в этот период стали развивать собственную литературу и науку. В период Золотой Орды суфийская мировая литература обогатилась духовным наследием шейхов тарикатов Йасавия, Кубравия и Накшбандия.

И, наконец, толерантность, присущая традиционному ханафитскому суфизму, который был распространен в Поволжье, способствовала укреплению мирного добрососедского существования и развитию многих малых народов региона, которые продолжали исповедовать свои древнейшие языческие культы. Древняя татарская культура приобретает черты «народного ислама», когда происходит внедрение исламских канонов в традиционные обряды и обычаи, которые наполняются новым религиозным смыслом даже только с добавлением «вводной части» из Корана, прочитанной муллой.

Суфизм не существовал обособленно в государстве Золотой Орды, шейхи не приветствовали религиозное уединение и отход от обычной повседневной жизни своих последователей. Руководящая роль суфийских лидеров часто соответствовала роли официального духовенства и заключалась в духовном наставничестве по канонам классического шариата.

Проблемы современной науки в изучении суфизма – это узкая специализация исследователей, отсутствие координации, подмена терминологии. Суфизм сегодня изучают философы, филологи, историки, этнографы; каждый ученый одно и то же явление представляет различными научными терминами и понятиями. Однако без глубоких знаний суфизма, его сакральных истоков и родства с другими мировыми традициями невозможно адекватно отразить суфизм как многогранное явление народной культуры и оценить его роль. Таким образом, расширение сферы влияния суфизма в эпоху Золотой Орды по разным направлениям общественной, культурной и политической жизни государства, зафиксированное во многих исторических источниках, все еще нуждается в комплексном изучении.

Литература

1. [Валеев Р.М., Юсупов Р.Р. Древний Болгар – столица Волжской Булгарии и Золотой Орды: научные и творческие аспекты современного возрождения // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 1. – С. 47–50.](#)
2. [Галиахметова Г.Г. Суфизм в Золотой Орде // Суфизм в Иране и Центральной Азии: сборник статей; материалы Межд. Конференции. – Алматы, 2006. – 330 с.](#)

3. [Маликов Р.Ш., Гарипова А.Н. Гуманистическая педагогическая мысль средневекового просветителя Золотой Орды Хисама Кятиба // Новые технологии. – 2012. – № 1.](#)
4. [Жандарбек З.З. Ходжа Ахмет Йасави и возрождение тюркской государственности // Суфизм в Иране и Центральной Азии: материалы Межд. конференции. – Алматы, 2006. – 330 с.](#)
5. История татар: с древнейших времен: в 7 т. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. – Казань, 2009. – Т. 3. – 1112 с.
6. [Йылмаз, Хасан Камиль. Тасаввуф и тарикаты: пер. с турец. – М.: САД, 2007. – 300 с.](#)
7. [Карл В. Эрнст. Суфизм / пер. с англ. А. Горькавого. – М.: Фаир-Пресс, 2002. – 320 с.](#)
8. [Сайфетдинова Э.Г. Суфийские традиции в духовной культуре Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. – 2014. – № 1 \(3\). – С. 75–78.](#)
9. [Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой орды. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. – 280 с.](#)
10. [Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды: научно-справочное издание. – Казань: ФЭН, 2009. – 232 с.](#)
11. [Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 1. – Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. – 588 с.](#)
12. [Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. – Т. 2. – Извлечения из персидских сочинений, собранных В.Г. Тизенгаузенем и обработанных А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – 308 с.](#)
13. [Хакимов Р.С. Долгое Средневековье Золотой Орды // Золотоордынское обозрение. – 2013. – № 1. – С. 5–21.](#)
14. [Хисамов Т.А. Отношения собственности в Золотой Орде при правлении Узбек-хана. Собственность и церковь: мусульманское духовенство // Золотоордынское наследие. Вып. 2: материалы второй Межд. научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. – Казань: Фолиант, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С. 151.](#)
15. [Шереметьев А.Г. Ислам и тенгрианство в политической жизни Улуса Джучи: смена духовных ориентиров XIII–XIV вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 5 \(43\): в 3 ч. – Ч. II. – С. 198–202.](#)
16. [Юрченко А.Г. Хан Узбек: Между империей и исламом \(структуры повседневности\). Книга-конспект. – СПб.: Евразия, 2012. – 400 с.](#)

References

1. Valeev R.M., Yusupov R.R. Drevnii Bolgar – stolitsa Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy: Nauchnye i tvorcheskie aspekty sovremennogo vrozozhdeniya [Ancient Bolgar, a Capital of Volga Bulgaria and the Golden Horde: Academic and Creative Aspects of Contemporary Renaissance] *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts] – 2014. – № 1. – P. 47–50.
2. Galiakhmetova G. G. Sufizm v Zolotoi Orde [Sufism in the Golden Horde] *Sufizm v Irane i Tsentral'noi Azii: sbornik statei. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Sufism in

Iran and Central Asia: collected papers. Proceedings of international conference] – Almaty, 2006. – S. 295.

3. Garipova A. N., Malikov R. Sh. Gumanisticheskaya pedagogicheskaya mysl' srednevekovogo prosvetatelya Zolotoi Ordy Khisama Kyatiba [Humanistic Pedagogical Thought of Khisam K'atib, Medieval Educator of the Golden Horde] *Novye tekhnologii* [New Technologies]. – 2012. – № 1.

4. Zhandarbek Z. Z. Khodzha Akhmet Iasavi i vozrozhdenie tyurkskoi gosudarstvennosti [Haji Akhmet Yassavi and the Revival of the Turkic Statehood] *Sufizm v Irane i Tsentral'noi Azii: sbornik statei; materialy Mezhdunarodnoi konferentsii*. [Sufism in Iran and Central Asia: collected papers; Proceedings of international conference]. – Almaty, 2006. – S. 171–178.

5. *Istoriya tatar: S drevneishikh vremen: v 7 t. Ulus Dzhuchi (Zolotaya orda). XIII – seredina XV v.* [History of the Tartars: From Ancient Times. In 7 volumes. The Ulus of Jochi (Golden Horde). The 13th – Middle of the 15th Centuries]. Kazan', 2009. – T. 3. – 1112 s.

6. Iylmaz, Khasan Kamil'. *Tasavvuf i tarikaty* [Yilmaz, Hasan Kamil. *Tasawwuf and Tariqahs*]. Perevod s turetskogo [Translated from Turkish]. – M.: OOO «Izdatel'skaya gruppa «SAD»», 2007. – 300 s.

7. Karl V. *Ernst. Sufizm* [Sufism] / per. s angl. A. Gor'kavogo. – Moscow: Fair-Press, 2002. – 320 s.

8. Saifetdinova E.G. Sufiiskie traditsii v dukhovnoi kul'ture Zolotoi Ordy [The Sufi Tradition in the Spiritual Culture of the Golden Horde] *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. – 2014. – № 1(3). – S. 75–78.

9. Safargaliev M.G. *Raspad Zolotoi ordy* [The Collapse of the Golden Horde]. – Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. – 280 s.

10. Seleznev Yu.V. *Elita Zolotoi Ordy: Nauchno-spravochnoe izdanie* [The Elite of the Golden Horde: Academic reference book] Kazan': Fen, 2009. – 232 s.

11. Tizengauzen V. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k Zolotoi Orde* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde.] V. 1. – Izvlecheniya iz sochinenii arabskikh [Extracts from Arabic Writings]. – SPb., 1884. – 565 s.

12. Tizengauzen V. *Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy* [Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde.] V. 2. – Izvlecheniya iz persidskikh sochinenii, sobrannye V.G.Tizengauzenom i obrabotannykh A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym [Extracts from Persian Writings Collected by V. Tizengauzen and Edited by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. – Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. – 308 s.

13. Khakimov R.S. Dolgoe srednevekov'e Zolotoi Ordy [Long Middle Ages of the Golden Horde] *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. – 2013. – № 1. – S. 5–21.

14. Khisamov T.A. Otnosheniya sobstvennosti v Zolotoi Orde pri pravlenii Uzbekkhana. Sobstvennost' i tserkov': musul'manskoe dukhovenstvo [Property Relations in the Golden Horde during the Reign of Uzbek Khan. Property and the Church: Muslim Clergy] *Zolotoordynskoe nasledie. Vypusk 2. Materialy vtoroi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoi Ordy», posvyashchennoi pamyati M.A. Usmanova.* [The Golden Horde heritage. Issue 2. Proceedings of the second International academic conference "Political and Socio-Economic History of the Golden Horde"] Kazan', 29–30 marta 2011 g. / otv. red. i sost. I.M. Mirgaleev. – Kazan': OOO «Foliant», Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2011. – S. 151.

15. Sheremet'ev A.G. Islam i tengrianstvo v politicheskoi zhizni Ulusa Dzhuchi: Smena dukhovnykh orientirov XIII–XIV vv. [Islam and Tengrism in the Political Life of the Jochi Ulus: Changing of Spiritual Values in the 13th – 14th Centuries] *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Juridical Sciences, Culturology and Art Studies. Issues of Theory and Practice]: v 3 ch. – Tambov: Gramota. – 2014. – № 5 (43). – Iss. II. – S. 198–202.

16. Yurchenko A.G. *Khan Uzbek: Mezhd u imperiei i islamom (strukturny povsednevnosti). Kniga-konspekt.* [Uzbek Khan: Between the Empire and Islam (Patterns of Everyday Life). The Synopsis Book]. – Sankt-Peterburg: Evraziya, 2012. – 400 s.